

Шумеры имели связи с Кавказом

Перепечатаем заметку, [опубликованную в 2014 г. на сайте «Научная Россия»](#) о статье лингвиста Алексея Касьяна о шумерском языке.

Мария Молина

Статья российского лингвиста Алексея Касьяна из Института языкознания РАН, [опубликованная](#) на днях в *Cuneiform Digital Library Journal*, предлагает новую возможную трактовку родственных связей древнейшей истории шумеров, анализируя их язык (настолько, насколько фонетика шумерского языка, переданная с помощью клинописи, вообще поддается дешифровке) в сопоставлении с языком хурритов.

Ученым до сих пор не удается обнаружить родственные связи шумерского языка, то есть связать его с каким бы то ни было другим. Надо сказать, что по количеству выдвинутых гипотез на этот счет шумерский держит уверенное первенство среди прочих языков. Вероятно, истина никогда не будет обнаружена — не исключено, что все родственники шумерского просто вымерли.

Однако попытки проследить этнополитическую историю Древнего Ближнего Востока по остаточным языковым свидетельствам не прекращаются. Алексей Касьян применил к шумерскому материалу методы типологии языковых контактов, лексикостатистики и комбинаторики, получив довольно интересные результаты.

Историческая справка:

В конце IV — начале III тысячелетия до н. э. в Южную Месопотамию (юг современного Ирака) пришли люди, называвшие себя «черноголовые», в современной науке они известны под именем «шумеры». Их язык отличался от семитских языков — тех, на которых говорили племена, появившиеся примерно в то же время или позднее в Северной Месопотамии (а также исконно населявшие Месопотамию). Считается, что живым языком шумерский был до конца III или начала II тысячелетия до н. э. Позднее, вплоть до конца I тысячелетия до н. э., шумерские слова широко использовались вавилонянами и ассирийцами как язык культа и учености.

Хуррито-урартская языковая семья состоит из двух близкородственных языков: хурритского (с несколькими диалектами) и урартского. Судя по историческим свидетельствам, хурритский язык звучал на территории юго-востока современной Турции, в северной Сирии и северном Ираке как минимум со 2-й половины III тысячелетия до конца II тысячелетия до н. э. Урартский отмечается в I тысячелетии до н. э. как язык Урарту — государства VIII века до н. э., расположенного на территории современной Армении и окружающих ее земель.

Хурритский и урартский, как и шумерский, — языки агглютинативного и эргативного строя, что типологически сближает их с шумерским и противопоставляет индоевропейским и семитским языкам древнего Ближнего Востока. В отличие от шумерского, хуррито-урартские языки достаточно скудно засвидетельствованы в письменных источниках и тоже остаются без уверенной привязки к генеалогическому древу языков.

Крупнейший востоковед XX века Игорь Дьяконов и великий лингвист-компаративист Сергей Старостин связывали хуррито-урартские языки с северокавказскими (нахско-дагестанскими) языками. Алексей Касьян считает, что современные данные требуют отказаться от такой соблазнительной гипотезы, однако вполне вероятно, что хуррито-урартская группа — действительно дальний родственник северокавказского, енисейского и сино-тибетского праязыков.

Для дописьменного периода хурритский соотносят с куро-аракской археологической культурой, представленной в начале IV — III тысячелетиях до н. э. на территории Южного Кавказа и прилегающих областей Ближнего Востока.

Для сопоставительного анализа шумерской и хурритской лексики Алексей Касьян применил метод автоматизированного сравнения консонантных классов. Это означает, что сохранившаяся базисная (наиболее устойчивая к изменениям в процессе естественной языковой эволюции или вытеснению через заимствования) лексика этих языков представлена в исследовании в упрощенной записи, передающей то, к какому классу относятся входящие в слово согласные звуки. Этот метод сейчас активно используется в разных лексикостатистических исследованиях, давая материал для выдвижения гипотез относительно той или иной генетической привязанности языков. В этой упрощенной записи слова *alaq* и *ʔāx* дадут форму *HRK*, *na* и *noʔ* — форму *NH*; *pkʰot* и *baqʾaθ* — форму *PKT*; *wahat* и *mad* — форму *WT*.

Используя такую запись, российский лингвист проанализировал 110-словный список Сводеша для лексики исследуемых языков и обнаружил 6 (при более строгом подходе 5) слов, которые можно считать фонетически связанными. За пределами сводешевского списка фактически никаких других лексических сходжений с той же степенью фонетического сходства не обнаруживается.

Исходя из полученных данных, можно вычислить с помощью глоттохронологического метода, что если общий предок шумерского и хурритского языков существовал, он должен был распасться примерно в период около 14 тыс. лет до н. э., то есть за 10 тыс. лет до первой фиксации шумерского в письменности. Это невероятно огромное время. Вряд ли при этом могло быть так, что в нескольких базисных словах прозрачное фонетическое сходство сохранилось, а вся остальная лексика шумерского и хуррито-урартских языков подверглась мощным фонетическим мутациям и теперь не сопоставима друг с другом. Но как объяснить эти несколько слов, которые выглядят очевидно схожими?

Всего автор статьи рассматривает четыре потенциальных варианта объяснения: лексические заимствования из одного языка в другой; генетическое родство; случайное совпадение слов (нулевая гипотеза); языковой сдвиг. Первые две гипотезы, как довольно убедительно обосновывает лингвист, маловероятны с типологической точки зрения.

Перестановочный тест показывает, что вероятность случайного возникновения наблюдаемого фонетического сходства низка: нулевая гипотеза в данном случае показывает вероятность от 6,9% до 0,4% в зависимости от используемых консонантных классов. Принятый в естественных науках порог статистической значимости — 5%. Иными словами, если моделирование дает вероятность случайного появления наблюдаемой конфигурации выше 5%, исследователь и должен рассматривать феномен как случайно обусловленный. Тем не менее при более строгом подходе к определению консонантных классов вероятность случайного совпадения продолжает падать, и нам все-таки следует искать какие-либо содержательные объяснения фонетическим соответствиям между шумерским и хурритским.

Алексей Касьян предлагает еще один возможный вариант исторического развития, а именно языковой сдвиг. Один из двух народов в какой-то момент, появившись на территории другого, становится для последнего культурно-политически доминантной группой, а его язык — престижным. В этот момент начинается переход основной массы населения на язык чужаков. Однако в силу тех или иных исторических причин по ряду причин языковой сдвиг мог прерваться на поздней стадии. Именно в этом случае, то есть если какие-либо резкие политико-экономические изменения прервали процесс языкового сдвига на поздней стадии, как показывает Касьян на типологических примерах из современных языков, должна возникнуть ситуация, когда только несколько слов из определенного, самого устойчивого лексического пласта (так называемой базисной лексики) сохраняются в языке в виде реликтовых остатков первоначального языка популяции.

Такая гипотеза предполагает два равновероятных с лингвистической точки зрения исторических сценария. Либо племена, говорившие на диалекте хуррито-урартского языка, пришли с Кавказа в Южную Месопотамию, где и вступили во взаимодействие с шумерами. Шумерская культура оказалась доминирующей, и новоприбывшие начали постепенно говорить на шумерском. Процесс языкового сдвига был по некоей причине прерван, шумеры исчезли с исторической сцены (возможно, они были истреблены?). Тогда те, кого мы знаем под именем шумеров, по происхождению представляют собой хурритские (северокавказские) племена.

Второй вариант — противоположный. Часть шумеров снялась и мигрировала на Кавказ, где переняла прахуррито-урартский язык. И тогда те, кого мы знаем как хурритов и урартов, представляют собой этнических шумеров, перешедших на хуррито-урартский, но сохранивших в языке несколько базисных слов своего первоначального языка.

Археологические свидетельства (в частности, распространение куро-аракской археологической культуры), скорее, могли бы говорить в пользу первого из двух сценариев.